

Сдержанное обещание

Юншэн Лю

До открытия офиса оставалось три дня. Юншэн еще раз встретился с теми, кто отвечал за организацию банкета в находившемся неподалеку ресторане, проверил завезенный товар и расплатился со школьниками, которых нанял, чтобы они сложили шоу-беги для гостей. За весь день он лишь пару раз забежал домой, чтобы провести Янлин и привезти ей еду, потому что она по-прежнему не выходила из дома. Ожоги уже почти прошли. Лицо уже не закрывали повязки, но зеркала в квартире по-прежнему были завешены. Две недели подходили к концу, и этим вечером Юншэн планировал закончить работу, чтобы сдержать обещание.

Он вернулся домой около семи вечера. Привез на ужин несколько контейнеров с едой, которую приготовили в ресторане, где он договаривался о банкете. Они делали вкусную утку, и к ней подготовили еще закуски - креветки, салаты и тофу в томатном соусе. Юншэн открыл дверь своим ключом, зашел и разулся, затем повесил на вешалку плащ. Из-за важных встреч весь день пришлось провести в костюме.

- Янлин, я дома, - сказал он.

Янлин Чун

Две недели, за которые Юншэн обещал вернуть ей обратно ее прекрасное лицо, тянулись ужасно долго, и, хоть с каждым днем лицо становилось все лучше, Янлин только больше хмурилась. Она боялась, что он не успеет, что ему не хватит сил, что завтра она с утра проснется снова с таким же уродливым лицом, что придется ждать еще день, а то и несколько. Юншэн снял с нее повязки, но кожа все еще была неровной, покрытой шрамами. Янлин боялась прикасаться к лицу, потому что под подушечки пальцев обязательно попадались неровные рубцы, и она отдергивала руку, как будто обжégшись. Надо же, как забавно (нет) получилось - обжигалась об следы от ожогов. Поэтому зеркала были до сих пор закрыты, поэтому Янлин, запершаяся в доме на две недели, уже видеть не могла эти четыре стены.

Она старалась не подгонять Юншэна и не очень ему ныть, потому что у него было много дел и весь день он только заходил, чтобы оставить готовую еду, а потом сразу уходил обратно. Она практически постоянно пребывала в плохом настроении и начинала его заедать всей этой жирной и острой едой, поэтому даже поправилась и поняла, что домашние брюки стали как-то подозрительно тесны. От этого конечно, настроения у нее не прибавилось. Если бы не лицо, недели занятий в тренажерном зале и на беговой дорожке ей бы хватило, чтобы согнать все лишнее, а так куда она пойдет.

Янлин была так расстроена, что даже не пошла Юншэна встречать, а осталась в большой комнате, где на диване рассматривала каталог новой линейки туфель. Так она пыталась немного поднять свой боевой дух.

- Я в комнате, - только отозвалась она.

Юншэн Лю

Янлин не стала выходить, чтобы его встретить, и Юншэн сам пошел к ней в комнату, предварительно закинув на кухню пакет с едой. Девушка была не в духе. Юншэн уже не понимал, почему, ведь за эти две недели следы от ожогов почти зажили, и он был уверен, что вот-вот они исчезнут совсем. А она, казалось, мрачнела с каждым днем.

- Привет, - сказал Юншэн.

Он подошел к Янлин, обнял за плечи и коснулся губами её макушки. Пока он не целовал её в губы. потому что это могло быть ей неприятно, ведь заживавшая кожа на лице шелушилась и наверняка сильно зудела.

- Пойдем ужинать? - предложил Юншэн.

За эти дни он жутко устал. Потому что после работы не мог толком отдыхать, ведь нужно было заниматься лечением Янлин. А потом Юншэн мог только свалиться и заснуть от усталости, чтобы утром снова бежать по делам. Он утешал себя мыслью о том, что скоро станет легче. Что лицо девушки заживет, что офис начнет работать, и на смену суматохе перед открытием придет какая-то стабильность в делах.

Янлин Чун

Даже каталог не помогал. Родители перестали давать ей деньги, потому что она жила не дома, а с Юншэном, а он не мог ей купить такие туфли, потому что они стоили как три его месячные зарплаты. Она не получала стипендии, не могла работать, потому что с таким лицом ее никуда не возьмут, а за переводы текстов по интернету можно было получать сущие юани, которых не хватило бы даже на самые дешевые туфли из коллекции двухгодичной давности. И нужно было бы сутками сидеть и переводить, чтобы получать хоть что-то, а Янлин не привыкла к такой жизни. Она пыталась заставить себя думать, что сейчас Юншэн наладит дела, и все будет хорошо, но туфли-то ей нужны были именно сейчас, а не потом! Потом уже выйдет новая линейка!

- Привет, - пасмурно поздоровалась она, чувствуя раздражение даже от того, что Юншэн целует ее так, словно брезгует целовать в щеку. Да, ей не хотелось, чтобы к ее коже прикасались, потому что ощущения не были приятными, но все равно. При этом, что удивительно, Янлин не жаловалась вслух, предпочитая сделать вид гордый и независимый, типа сама придумала, сама обиделась.

- Я буду только чай, - мрачно решила она, хотя в первое мгновение уже хотела обрадоваться тому, что наверняка можно немного побаловать себя чем-то вкусным, но домашние брюки, плотно обхватившие бедра, как бы намекали, что пора прекращать жрать после шести. Она отбросила журнал и поднялась с дивана, направившись в кухню, чтобы поставить чайник. За эти две недели она даже научилась заваривать чай.

Юншэн Лю

Юншэн подумал, не обидело ли Янлин предложение поужинать. Сейчас он с трудом её понимал и нередко боялся нарваться на её плохое настроение. Она сидела одна

дома и восстанавливалась после серьезных ожогов, этим он оправдывал её поведение. В такой ситуации кто угодно озверевает, и все же Юншэн был бы рад, чтобы среди мрачных туч хоть изредка проглядывало солнце.

- Как скажешь, - отозвался он. - Нальешь мне тоже чай? Я пойду переоденусь.

Костюм надоел за день, и Юншэн переоделся в майку без рукавов и домашние штаны. Рубашку он положил в корзину для грязного белья, которая была полной и ждала, когда он запустит стирку. Янлин не занималась домашними делами, и Юншэн не выработал достаточно суицидальных наклонностей, чтобы с ней об этом поговорить.

Он пришел на кухню и расставил на столе контейнеры с едой. Достал все-таки две тарелки и две пары палочек, если Янлин передумает.

- Офис уже готов к открытию, - сказал Юншэн.

Янлин Чун

Янлин подумала, что ей может стать легче, если она разобьет, скажем, чашку. Только почему-то ей хотелось ее не просто разбить, но обязательно об голову Юншэна. Потому что он даже не спросил, почему она не будет ужинать, а покорно согласился с ее решением. Она надеялась, что так сможет ему пожаловаться, что прибавила в весе, а он скажет, что она все равно чудесно выглядит, и может быть, это бы подняло ей настроение. Хотя она не могла быть уверенной в том, что ее бы не раздражили его слова. Все равно виноват.

Она достала две чашки, но все же не стала их бить, она же не истеричка какая-то. Поискала чайник, бросила в него горсть какого-то китайского листового чая, затем по очереди перенесла все это на стол. А к тому моменту уже и Юншэн пришел на кухню уже переодетый.

- Здорово, - она честно попыталась обрадоваться, но получилось сказать это таким тоном, каким обычно сообщают о похоронах. Янлин помолчала, глядя, как закипает чайник. - Когда оно будет? - все же предприняла она попытку проявить хоть каплю интереса к делам Юншэна. Где-то в глубине души, на очень-очень большой глубине она все же понимала, что он устает, что ему трудно, но то было глубоко, а на поверхности плавало нечто более мелочное и обиженное на весь мир - вот, если его что-то не устраивает, то пусть ищет себе другую, которая будет вечно улыбаться и вся из себя такая хорошая будет. Хотя, Янлин бы на нее посмотрела, эту хорошую, если бы ей на лицо плеснули кислотой.

Юншэн Лю

Янлин отреагировала на его слова без всякого энтузиазма. Как будто ей уже не было интересно, сможет ли он открыть офис и остаться в Пекине. Может, за эти дни он успел ей надоест, или она просто была слишком погружена в свое состояние, но Юншэн в какой-то момент подумал, что хочет огрызнуться. Медленно досчитал до десяти, сел за стол и положил себе в тарелку лепешку и мелко нарезанную курицу, которую полил острым соусом.

- Через три дня, - ответил он как можно спокойнее. - Янлин, я тебя чем-то обидел?

Он не понимал, почему её настроение портилось с каждой минутой. Но чувствовал, что он был последним, о чем она сейчас думала, и разговор пыталась поддержать из простой вежливости. И то плохо скрывала, что ей не интересно.

Он сложил много сил в открытие этого офиса. Он надеялся, что филиал компании деда даст ему возможность нормально зарабатывать в Пекине, чтобы не просто остаться здесь жить, но и жить с Янлин, зная её запросы. Сам Юншэн, выросший в монастыре, где только недавно появились электричество и горячая вода, мог жить очень аскетично.

Янлин Чун

- Нет, - ответила она. Потому что она так и не смогла придумать, в чем его обвинить, чтобы это был ПОВОД. То, что он не целует ее в щеку, зная, что ей это сейчас неприятно, не покупает ей туфли, которые стоят очень дорого, и не может прыгнуть выше головы, чтобы вылечить ожоги за пару дней, а не недель - ну так себе повод. Хотя вообще-то обычно ей было достаточно любой мелочи, чтобы прицепиться и вынести мозги, но Янлин одно время жила с Тео, и научилась чувствовать, когда лучше не отсвечивать. - Я просто...

Что просто? Просто надо на ком-то выместить свое плохое настроение, ага. И так как рядом нет никого другого, то получать все шишки будет единственный на них претендент, который сам же и хотел, чтобы она с ним жила.

- Я устала сидеть взаперти, - наконец нашлась Янлин что сказать, хотя это было не совсем то, что она изначально хотела поставить в претензию. - Меня тошнит уже от этих стен, я хочу в торговый центр, в кафе, да просто по улице пройти. И туфли хочу, - не сдержавшись, добавила она самую большую боль сегодняшнего дня.

Но какие же эти туфли были чудесные, Янлин готова была за них замуж выйти, вот прямо сейчас, если бы эти туфли сделали ей предложение.

- Мне уже кажется, что я никогда не смогу выйти на улицу, - упавшим голосом продолжила она. - Шрамов еще много, а ты устаешь с офисом, я же не дура, я понимаю, что ты и так много сил тратишь.

Юншэн Лю

Янлин стала рассказывать о наболевшем, и Юншэн внимательно выслушал все, что её так достало за последнее время. Она не винила его, ей просто было плохо. И ей надоело сидеть одной в квартире. Даже если она не торопила его с лечением ожогов, хотя Юншэн считал, что таким настроением она торопила его сильнее, чем любыми прямыми просьбами.

- Хочешь, я сегодня покажу тебе наш офис? - предложил Юншэн. - Он рядом, идти от дома всего ничего.

Она не хотела, чтобы её видели со следами от ожогов на лице. Пекин в восемь вечера ложился спать, на улицах становилось мало людей, и можно было дойти до

офиса, не вызывая излишнего внимания со стороны прохожих.

- И я рассчитываю, что через три дня на открытии ты будешь со мной, - добавил Юншэн. - К этому времени шрамов уже не останется.

Он видел, какой каталог листала Янлин, когда он вернулся домой. Пока Юншэн не зарабатывал столько, чтобы по первой просьбе купить Янлин туфли из этой коллекции. И для того, чтобы эту ситуацию исправить, ему нужно было наладить работу.

Янлин Чун

Янлин так хотела наконец выйти из этих четырех стен, что когда ей представилась такая возможность, она сразу дала задний ход. Она боялась, что кто-то ее увидит и будет рассматривать. Еще хуже - если начнут жалеть, а то и с отвращением отвернутся. Она этого не переживет.

- Не хочу, чтобы меня такой видели, - замотала она головой. Хотя ей и хотелось посмотреть на офис, о котором столько говорил Юншэн, желание не стать центром всеобщего внимания, когда она была для этого не в лучшей форме, было сильнее всех прочих. - Не хочу, чтобы шарахались, если кто-то увидит.

Она бы хотела пойти и на открытие, потому что любила все подобные торжества, но была не уверена, что сможет. Даже если шрамов не останется, вдруг что-то с ее лицом будет не так. Вдруг оно будет не таким, как раньше, и у нее будет какое-то новое лицо, которое будет и совсем не ее, и на нее все будут смотреть. Вдруг Юншэн пропустит какой-нибудь незначительный шрам, который не особо виден, где-нибудь ближе к волосам или около уха, а кто-то другой это заметит и будет пялиться и жалеть, а то еще и подумает, что это отвратительно.

- От всей этой еды я поправилась, - Янлин всегда так гордилась своей фигурой, что совершенно не ожидала от нее этого подлого удара ножом в спину. Она не могла посмотреть на себя со стороны, потому все зеркала были закрыты, да и когда ложилась спать, не особо себя рассматривала, но на животе появилась мякушка, которой раньше не было, да и бедра стали по ощущениям полнее. - Я ни в одно свое платье не влезу, а вернуться к своему весу не успею.

Юншэн Лю

- Офис сейчас закрыт, на улице уже никого толком нет, - сказал Юншэн. - Тебя никто не увидит по дороге.

Он не замечал, что Янлин поправилась за эти дни. Она была очень стройной и, насколько замечал Юншэн, всегда переживала из-за своей фигуры. Он не представлял, почему она должна была не влезть в те платья, что у неё были, но понял, что это не та ситуация, в которой можно спорить.

- С платьем что-нибудь придумаем, - пообещал Юншэн.

В крайнем случае, можно будет одолжить деньги у отца в счет будущих комиссионных. Он не одобрит, но поймет. У него была Лин, которая хоть и жила в

Англии большую часть времени, все равно оставалась собой, и отец знал, во сколько могли обходиться её наряды. При этом она уже зарабатывала и у неё был какой-то очередной хорошо обеспеченный ухажер.

- Я буду рад, если ты согласишься посмотреть офис до открытия, - добавил Юншэн.
- Мне важно знать твое мнение о нем.

Юншэн, несмотря на то, что был занят лечением Янлин, очень внимательно и даже придирчиво следил за тем, как делали ремонт. И сейчас он сам был доволен тем, что получилось. Отец планировал прилететь только накануне открытия, дед и прилетать не планировал, и Янлин была бы первой из важных для Юншэна людей, кто увидит все в готовом виде.

Янлин Чун

Янлин сомневалась, что на улице прям уж толком никого нет. Юншэн жил здесь не так долго и не мог знать, что на самом деле в Пекине, помимо дневной привычной ему жизни есть еще и ночная, когда выползает тусоваться вся молодежь, которая днем или спит или учится, а ночами стремится наверстать упущенное. Янлин бы так и делала, если бы не это ужасное лицо. Она пока не поняла, как ей живется с Юншэном. Может быть, если бы у нее не было ожогов, из-за которых она не могла выйти на улицу, она бы оценила все по достоинству. А так она могла оценить по достоинству разве что цвет стен в его квартире.

- Ну хорошо, - уступила она, потому что Юншэн сказал, что это для него важно. Если бы не это, она бы точно не согласилась. - Но я надену твой худи с капюшоном, чтобы спрятать лицо?

Она хотела еще добавить про темные очки, но сообразила, что тогда будет выглядеть точно смешно, и это еще больше привлечет к ней внимание - темные очки вечером, когда и так темно. А так может никто и не обратит внимание на то, что она прячет лицо под капюшоном. Так половина Пекина делает. Вторая половина надевает еще вдобавок и маску, чтобы не дышать смогом.

Она специально попросила у Юншэна его кофту, потому что у нее у самой такой сроду не водилось. Она предпочитала всегда что-то более открытое и демонстративное, а не все эти бесформенные свитера и спортивные штаны. У нее даже не было ничего такого же с капюшоном.

Юншэн Лю

Янлин все-таки согласилась. Юншэн считал, что ей это нужно, чтобы не все время сидеть дома. Он бы столько не высидел, но он и не был девушкой, которая стеснялась шрамов на лице.

- Хорошо, но сверху лучше надеть куртку, там холодно, - ответил Юншэн.

Он весь день проходил в пиджаке и тонком плаще, и замерзал, если нужно было довольно долго находиться на улице. В Пекине уже была осень, и погода портилась с каждым днем. Еще хорошо, что сегодня не было дождя. Климат здесь был намного хуже, чем в Линь Ян Шо, и дышать было нечем. Янлин была единственной

причиной, почему Юншэн рвался сюда переехать.

- Давай тогда собираться? - предложил он.

Юншэн успел немного поесть во время этого разговора. Он бы закончил ужин, но боялся, что Янлин передумает. Жареная утка все равно никуда не улетит, пока они будут гулять до офиса.

Янлин Чун

Янлин уже почти возразила, что ни одна ее куртка не подходит по стилю к худи, но промолчала. Если она пойдет с лицом, закрытым капюшоном, какая разница, что на ней будет надето, потому что никто все равно не увидит, что это она. Не то, чтобы в округе толпами шастали знакомые, но все равно ей было бы не по себе от своего собственного вида. Она подумала, что после такого променада в худи и куртки с опушкой ей точно уже не мечтать ни о каких дорогих туфлях, потому что ниже падать некуда.

- Ты хотел ужинать, - напомнила Янлин, - я же чай уже заварила.

Вдруг если они пойдут попозже, на улице будет не так много людей, хотя это и было сомнительно. Но и то, что она заварила чай, было поводом сначала поужинать, а потом уже идти. Если бы она знала, то не стала вообще напрягаться, потому что сейчас чай остынет, станет неудобоваримым и невкусным, и нужно будет заваривать по новой. Совершенно бездарная трава времени и сил.

Она заглянула в чайник и разлила чай по чашкам, явно не собираясь никуда идти, пока не выпьет все до последней капли. Может быть, успеет сбросить немного за три дня, если будет меньше есть. Может быть, она уговорит папу отвезти ее поздно вечером в тренажерный зал, когда там никого уже не будет, чтобы она могла побегать по дорожке. Главное, чтобы никто больше не видел ее лица.

Юншэн Лю

Юншэн улыбнулся. Янлин ценила свой труд, она не так просто заваривала чай, чтобы об этом подвиге забыть. Юншэн придвинул чашку ближе к себе.

- Спасибо, - сказал он.

Он положил себе в тарелку еще немного утки и теплый салат с водорослями и угрем. Юншэн ел довольно быстро, чтобы не тянуть время перед прогулкой до офиса. Он все еще думал, что постарается за сегодня убрать оставшиеся на лице Янлин шрамы. Но не говорил ей об этом, чтобы не обнадеживать раньше времени. Пусть ожоги уже почти полностью зажили, для окончательного исцеления все равно требовалось довольно много энергии, которой могло не хватить под конец напряженного дня.

- Ты точно сама не хочешь ужинать? - спросил Юншэн. - У тебя отличная фигура, а силы тебе нужны, чтобы лицо быстрее заживало.

Он не собирался её настойчиво уговаривать, чтобы не нарваться. Но считал, что

нельзя выздоравливать после серьезных травм, отказывая себе в еде из-за боязни испортить фигуру.

Янлин Чун

- Точно, - решительно подтвердила Янлин. Она стала ужасно питаться, когда начала жить с Юншэном, вся это неправильная еда после шести вечера, недостаток фруктов и свежих овощей и недостаток двигательной активности наверняка и привели к тому, что она теперь не влезет ни в одно из своих платьев. - Я уже накопила сил за две недели.

Потому что поглощала все, что видела, в надежде отвлечься от переживаний и грустных мыслей. Раньше она всегда следила за питанием, но у нее была возможность самой покупать в магазине то, что она хотела, а Юншэну некогда было всем этим заниматься, потому что он много времени проводил в своем офисе.

Янлин принялась пить свой чай с довольно-таки торжественным и строгим видом. Хотя она не отказалась бы от какого-нибудь чизкейка и вкусного кофе из кофейни, в котором всегда очень много сахара и сливок, и потому он восхитительно вкусный. Но нет, у нее зеленый чай, и она не сдастся только потому, что утка вкусно пахнет, да и салат выглядит вполне себе аппетитно. А если она будет потакать всем своим желанием касательно еды, то так и будет расти вширь. Не хватало еще и прибавить в размере одежды, потому что ей тогда придется менять весь свой гардероб, а где на все это взять деньги, спрашивается. Не может же она ходить в одежде не по размеру или, хуже того, купленной на каком-нибудь Таобао.

Юншэн Лю

Юншэн не стал уговаривать Янлин, чтобы она поужинала. Но с аппетитом ел сам, потому что за день устал, набегался и почти не успевал нормально есть или даже просто пить кофе не на ходу. А он, в отличие от Янлин, никогда не жаловался на нехватку аппетита, потому что был здоровым, как лось, и ел соответственно. Но все же, разобравшись со своей порцией утки и салата, и закусив некоторым количеством тофу в сладком соусе, Юншэн допил чай, который любезно заварила Янлин, и отложил палочки.

- Тогда мы можем идти, - сказал он.

Юншэн закрыл лотки с едой и убрал их в холодильник, а посуду - в раковину, пока не став её мыть. Он старался не думать о том, что Янлин не демонстрировала никакой мотивации к выполнению домашних дел. Проще было со временем нанять горничную, чем пытаться добиться от девушки того, чего она не хотела делать. Юншэн пошел в спальню, чтобы достать из шкафа худи для Янлин и толстовку для себя. Он не стал переодевать домашние брюки, потому что такое расстояние можно было без зазрения совести преодолеть даже в пижаме. Юншэн нашел в кармане пиджака телефон и ключи и переложил их в спортивную куртку.

Янлин Чун

Чай кончился быстро, но Янлин не стала наливать себе еще чашку. Она смотрела на то, с каким аппетитом ел Юншэн и чувствовала себя почти несчастной из-за того,

что все так сложилось. Она не хотела, чтобы все было так - что с ее лицом будет столько проблем, что ей придется сидеть в доме две недели, не выходя никуда дальше балкона, что она из-за этой недвижимости поправится на пару килограммов, что теперь ей нужно ограничивать себя еще сильнее, чем раньше. Юншэн, конечно, был в этом во всем виноват, но Янлин была сейчас и без того раздражена, и достаточно было одной маленькой ерунды, чтобы она вспыхнула, как спичка.

- Мне нужно переодеться, - сказала она, и первой вышла из кухни, потому что ей не хотелось и дальше там торчать, пока Юншэн убирал со стола. На диване все еще валялся каталог с туфлями, и Янлин даже вернулась на кухню, чтобы выбросить его в мусорное ведро, испытав от этого злое удовлетворение. Теперь она еще не скоро сможет засматриваться на обувь такого уровня.

Янлин в спальне переделалась в джинсы и надела худи, который был ей очень сильно велик. Юншэн был сильно выше и крупнее нее, а его худи было на ней все равно что платье, но это можно было списать на современную моду. Янлин накинула капюшон, затем надела куртку из тех, что выглядели не очень гламурно, хотя она была скорее летней, чем осенней.

- Лицо не видно? - спросила она у Юншэна, поправляя капюшон так, чтобы полностью в нем спрятаться.

Юншэн Лю

Юншэн надел куртку и кеды и оглянулся на Янлин, которая закуталась в его худи как европейский монах в балахон. Он подошёл к девушке, приподнял капюшон, поцеловал ее в лоб, затем поправил капюшон обратно, так, чтобы он закрывал лицо.

- Не видно, - сказал Юншэн. - Пойдём.

Ни у лифта, ни в подъезде они никого не встретили. На противоположной стороне улицы были редкие прохожие, но они даже не смотрели в сторону Юншэна и Янлин, поэтому дойти до нужной двери удалось так, как наверняка хотела сейчас девушка. Юншэн открыл дверь своим ключом и пропустил Янлин вперёд, затем ввел пароль на панели, чтобы снять офис с охраны. Сейчас совсем не хотелось встречаться с людьми Чуна сяншэна. Юншэн включил закрыл дверь и включил свет.

- Добро пожаловать, - сказал он девушке.

В помещении ещё немного пахло краской после ремонта. Офис был оформлен в колониальном стиле. В его оформлении преобладали оттенки серого и голубого цвета и чёрного дерева. Здесь было выставлено несколько предметов мебели, на стенах висели гобелены и картины, в витринах были выставлены украшения и посуда. Самые ценные экспонаты, конечно, лежали в сейфах, но и на виду были представлены достойные внимания образцы.

- Как тебе? - спросил Юншэн, который действительно хотел знать мнение Янлин.

Янлин Чун

Янлин вжала голову в плечи, когда Юншэн полез руками к капюшону, потому что

подумала, что он сейчас его снимет с ее головы, но он всего лишь ее поцеловал, а затем вернул капюшон на место, так что она немного успокоилась и пошла следом за юношей. Но на улице ее нервозность только усилилась, хотя по дороге к офису им вообще никто не встретился, а те прохожие, что шли на другой стороне улицы, на них не смотрели. Все равно ей было не по себе, и она только ниже опускала голову, стараясь, чтобы даже кончика носа не было видно из-под капюшона. Она вздохнула с облегчением, когда, наконец, удалось дойти до офиса и войти внутрь, и Янлин почувствовала себя лучше только когда дверь за ней закрылась, а она оказалась в темноте. Ненадолго, правда, но в темноте было хорошо, в темноте не видно ее лица.

Она откинула капюшон с головы, затем осмотрелась и немного прошлась по большому залу, рассматривая выставленную мебель, картины и гобелены, и особенно заинтересовалась украшениями, выложенными на одной из витрин.

- Красиво, - наконец ответила она, правда, непонятно, к чему именно эта похвала относилась - к самому офису, или все-таки к ожерелью из серебра и нефрита, которое лежало на небольшой черной бархатной подушке под стеклом. Наверняка такое стоит кучу денег. Хотя, на взгляд Янлин, все же казалось несколько массивным. Она с усилием отвлеклась от украшений и продолжила рассматривать комнату. - Мне нравится. Уютно, но не отвлекает внимание от всех этих витрин. И выглядит правда серьезно, а не как дешевый ломбард за углом.

Юншэн Лю

Юншэн внимательно следил за реакцией Янлин. Он был уверен как минимум в том, что она скажет своё мнение прямее некуда. Она надолго задержалась у витрины с украшениями, разглядывая не самое интересное кольцо, которое на прошлой неделе привезли из Европы. Но в итоге ее вердикт был хорошим. И Юншэн усмехнулся в ответ на сравнение с ломбардом.

- Я рад, что тебе нравится, - сказал он. - Я надеюсь, что уже после банкета в честь открытия будут первые продажи.

А с них - первые комиссионные. Юншэн не выкупал товар у фирмы деда, он мог только продавать то, что ему привозили, и получать с этого свой процент, из которого в скором будущем он должен был сам оплачивать расходы на офис и аренду квартиры. Но Юншэн считал, что сможет работать на таких условиях.

- Я хочу сегодня убрать оставшиеся рубцы, - сказал Юншэн. - Пойдём.

Он повёл Янлин к столу, который предназначался для разговоров с важными клиентами. Стол и стулья были современными, но выполненными под старину. На столешнице лежали каталоги.

- Садись, я схожу помыть руки, - сказал Юншэн.

В подсобном помещении был санузел, но сейчас вода как назло отказалась отключена. Юншэн вспомнил, что его предупреждали о работах до завтрашнего полудня. Он вытер руки влажной салфеткой, но понял, что работать придётся без

помощи стихийной магии. Это делало сложную задачу очень сложной. Но Юншэн вернулся к Янлин, стараясь выглядеть по-прежнему уверенно.

Янлин Чун

Янлин продолжала осматриваться, как будто это ей тут предстояло работать, и она теперь хотела понять, действительно ли ей тут нравится так, как она говорит, или она бы что-то изменила. Возможно, она бы убрала с той стены гобелен и повесила что-то другое, только непонятно, гобелен этот висит тут на продажу или просто так. Наверное на продажу. Если так - пусть висит. У этих любителей антиквариата иногда бывают очень изощренные и извращенные вкусы, Янлин лично сама в своем доме такой бы гобелен не повесила. Но потом она вспомнила, что у нее своего дома-то и нет как раз, чтобы в нем что-либо на стены вешать. Мысль эта была не очень приятной.

- Прямо здесь? - переспросила она. Она думала, что Юншэн подождет хотя бы до дома, ведь он всегда этим занимался дома. - А здесь есть зеркало? Я хочу потом посмотреть в зеркало.

И хочется и одновременно страшно, потому что Янлин уже почти успела забыть, каково это, когда у тебя нормальное красивое лицо. Прикасаясь к щекам, она ощущала только неровную кожу шрамов от ожогов, и воображение рисовало ей нечто, похожее на маску Фредди Крюгера. У него лицо тоже все обгорело, наверняка она выглядела точно также, как и он. Она бы не хотела увидеть в зеркало нечто подобное или вообще увидеть, что ее лицо как-то изменилось. Это было бы очень жестоко, получить какое-то другое лицо, когда хочется обратно свое собственное.

Она села на стул, на который ей указал Юншэн и, чтобы скрасить ожидание, принялась листать один из каталогов. Тут была и старинная мебель, и картины, и украшения, и даже посуда и столовые приборы. Но Янлин, конечно же, застряла на старинных украшениях. Некоторые из них были даже ничего так.

Юншэн Лю

- Здесь есть зеркало, и не одно, - сказал Юншэн.

Он придвинул второе кресло ближе, чтобы было удобно сесть рядом с Янлин, затем убрал с её лица выбившиеся волосы и внимательно посмотрел на оставшиеся следы от ожогов. Глубоких рубцов уже не было, только розовый заживающий эпителий и области, где пересушенная кожа сильно шелушилась. Юншэн сначала убрал ша-ци, которая вызывала зуд и заставляла свежую кожу воспаляться. Ему было непривычно работать без воды, но он не хотел откладывать эту работу до возвращения домой, так у Янлин будет возможность пройти по улице, не пряча лицо. Запястье начало сводить. Юншэн стряхнул негативную энергию и стал заживлять ткани, начала желтым, а потом синим цветом. Он работал очень внимательно, потому что знал, как Янлин относилась к своей внешности. Юншэн провел рукой по волосам девушки и внимательно рассмотрел её лоб, чтобы убедиться, что там не осталось следов ожогов, в том числе вдоль линии волос. После этого он стал убирать остатки следов со скул и щек.

- Брови и ресницы только начинают отрастать, - сказал Юншэн. - Я не смогу это

ускорить. Но других следов не останется.

Янлин Чун

Янлин села прямо на стуле, когда Юншэн придвинулся, и постаралась не шевелиться и даже почти не моргать, чтобы ему не мешать. От его рук шло тепло, хотя она заметила, что сейчас вокруг его ладони нет привычной водяной пленки, как всегда, когда он что-нибудь лечил. Янлин не знала, зачем ему эта вода, потому что Тео, например, ею никогда не пользовался, да и мама тоже не всегда, но ей, в общем-то, было все равно, есть вода или нет. Просто непривычно, когда всегда есть, а тут вдруг нет.

До того, как Юншэн сказал про брови и ресницы, Янлин даже не задумывалась о том, что они тоже все были обожжены. Что их, по сути, вообще нет на лице. Мало того, что там все в шрамах, так еще и ресниц нет, ужасно. Какой же она все-таки была уродливой, она надеялась, что Юншэн все это долечит сегодня, хотя новость о ресницах и бровях не очень порадовала. Не очень-то хотелось без всего этого идти на открытие офиса, но придется что-то придумать.

- Брови нарисовать можно, а ресницы - наклеить, - решила Янлин. Некоторые специально выщипывают брови или сбрасывают, чтобы нарисовать получше. Янлин так не делала, потому что ей и свои нравились, а теперь вот, присоединится к рядам тех, кто рисует. - Главное, чтобы шрамов не осталось.

Юншэн Лю

Юншэн за эти дни выучил черты лица Янлин лучше, чем за все время, что они были вместе до нападения. Она переживала, что ожоги делают её некрасивой, но он думал не об этом, а только о том, как вернуть ей прежний внешний вид, чтобы она снова захотела жить, а не прятаться и огрызаться. Тонкий красноватый след на левой скуле побледнел, а затем разгладился под действием синей энергии. Зажившая кожа была покрасневшей, потому что в ней было очень активно кровообращение, но это пройдет через несколько минут. Область носа и губ была вылечена лучше других, и здесь было достаточно убрать легкое шелушение. Поначалу кожа могла сохнуть сильнее обычного, но Юншэн считал, что Янлин придумает, как с этим разобраться.

Он стал убирать следы ожогов с подбородка и нижней челюсти девушки, внимательно ища малейшие следы, которые мог не заметить прежде. Янлин их заметит, если вдруг что-то останется. Эта работа была трудной. Уже болели руки и кружилась голова, но Юншэн был твердо намерен закончить лечение до того, как они пойдут домой. Он убрал руки и стряхнул ша-ци, затем заметил еще пару следов возле уха, которые убрал с помощью синей энергии.

Сейчас на лице Янлин уже не оставалось следов ожогов и даже участков, где кожа просто шелушилась. Без бровей и ресниц она выглядела немного непривычно, но Юншэн снова мог видеть её идеальные черты такими, какими они были всегда. Он улыбнулся, ловя взгляд девушки.

- Пойдем смотреть в зеркало? - предложил он.

Янлин Чун

Сейчас у Янлин было ощущение, что под кожей вновь снуют муравьи - не больно, но неприятно, как будто кто-то тянет за тоненькие ниточки под кожей, и она вся то зудит, то ее тянет, то просто хочется дотронуться пальцами до чувствительного места, чтобы стереть неприятные ощущения. Но Янлин заставляла себя сидеть ровно и не тянуть руки к лицу, отчасти потому что, несмотря на все манипуляции Юншэна, боялась снова встретить пальцами неровную полузажившую кожу или шрамы и прочие неровности. Она верила, что он и правда лечит, но свыкнуться с мыслью, что вот уже скоро, совсем еще чуть-чуть, у нее будет снова ее лицо, было не так-то просто. Две недели - не два месяца и не два года, но они казались Янлин длиннее всех жизней, вместе взятых.

Янлин поймала взгляд Юншэна, когда он опустил руки, и вопросительно на него глянула, не сразу поняв, что уже все, он со всем закончил, и даже предложил пойти посмотреть в зеркало. Янлин дернула рукой вверх, к лицу, но к коже прикоснулась не сразу, а с опаской, чуть погодя. А, поняв, что шрамов больше нет, взметнула и вторую ладонь, тщательно ощупывая свое лицо - ровные щеки и аккуратный, как раньше, нос, и пока еще редкие брови, под которыми не было никаких больше шрамов.

- Все так, как раньше? - взволнованно спросила она, не прекращая держаться за свое лицо, как будто опасалось, что оно сейчас ее покинет снова. - Пойдем, пойдем скорее к зеркалу.

Юншэн Лю

- Да, - ответил Юншэн, не став добавлять, что лицо Янлин почти без ресниц и бровей выглядело немного непривычно, об этом он ее уже и так предупредил.

Он взял девушку за руку и повёл в ту часть офиса, где на стене висело большое старинное зеркало в позолоченной оправе. Оно было европейским и стоило кучу денег, но на такие вещи быстро находились клиенты. Те, кто хотел подчеркнуть свой статус, любили покупать для интерьера предметы европейской старины, которые дед скупал в Англии, а то и в Восточной Европе, где все это стоило намного дешевле. Это зеркало было из России, до революции висело в чьей-то усадьбе, потом где только ни валялось, и до реставрации выглядело плачевно, но сейчас вернулась к тому виду, который мог быть изначально.

- Смотри сама, - сказал Юншэн, когда Янлин оказалась перед зеркалом.

У него болела и кружилась голова и начинало знобить. Юншэн понял, что без воды взял много ша-ци и потратил больше собственной энергии, чем планировал. Но он сдержал своё обещание, и сейчас это было для него самым важным. Теперь он мог надеяться, что у Янлин улучшится настроение.

Янлин Чун

Юншэн повел ее куда-то вглубь офиса, вдоль всех этих столиков, кресел, пуфиков и тяжелых деревянных письменных столов, которые наверняка весили как три, а то и четыре Янлин. Наконец она увидела зеркало, даже не обратив внимания на то,

какое оно красивое, а сразу нетерпеливо вперилась в отражение. Она две недели не видела себя в зеркале, для нее это был очень большой срок.

- Боже, - не сдержалась Янлин, увидев свое лицо, как говорил Юншэн, без бровей и ресниц, но абсолютно гладкое, без единой неровности шрама. Она наклонилась почти вплоты к зеркалу, чтобы критически осмотреть себя. - Это ужасно, я выгляжу, как Мона Лиза.

А ведь когда-то даже модно было сбривать брови и вообще выщипывать и ресницы тоже! Какими же уродливыми выглядели тогда женщины, прямо без слез не взглянешь. Янлин уже даже немного пожалела о том, что на ее лице нет бинтов, потому что хотелось как-то прикрыть эти отсутствующие брови. Без ресниц лицо было вроде еще ничего, но брови...Ей придется сделать татуаж на то время, пока они снова не вырастут. И каждый день подкрашивать, чтобы выглядело так, словно они настоящие, а не нарисованные. Она заметила в зеркале отражение Юншэна, он выглядел немного бледным, а взгляд какой-то...как будто потерянный. Янлин поняла, что ее восклицание насчет бровей он мог принять на свой счет, и повернулась, чтобы обнять его за шею.

- Я не это имела в виду. Спасибо, что убрал все шрамы, но я правда без бровей выгляжу ужасно...Юншэн, ты что дрожишь? - спросила она, чуть отстраняясь и вглядываясь в лицо юноши.

Юншэн Лю

- У Моны Лизы были брови и ресницы, просто краска распалась со временем, - ответил Юншэн.

Он недавно читал исследования о художниках эпохи Возрождения, и там немало говорилось, что при всей своей гениальности Давинчи часто просчитывался с материалами. Та же Тайная вечеря начала рассыпаться ещё при его жизни. Юншэн понял, что мысли путаются, и он на них залипает. Он посмотрел на Янлин, когда она обняла его за шею. Его знобило сильнее.

- Просто устал, - ответил он, ловя взгляд девушки. - Пойдём домой?

Сейчас он думал о том, что нужно добраться до кровати и поспать всю ночь, тогда это все могло пройти само. Юншэн до того, как Янлин получила ожоги, никогда не выполнял такой объём работы с помощью врачевания. И он впервые столкнулся с таким перерасходом энергии, ещё и на фоне подготовки к открытию офиса. Сейчас, когда все самые важные дела были сделаны, его организм напомнил, что не всемогущ.

Янлин Чун

- Тем более я выгляжу даже хуже, чем она, - может быть, она и была красивой при жизни и когда у да Винчи были нормальные краски, но в Лувре была Мона Лиза без бровей и ресниц, и Янлин запомнила ее именно такой, да и весь мир наверняка ее знал именно такой. Но Юншэн сейчас зачем-то решил поумничать вместо того, чтобы просто сказать, что брови отрастут, и все будет так, как раньше. Янлин не огрызнулась на него только потому, что он признался, что устал, и его сильно

трусило.

- Хорошо, пойдем, - она кивнула. Жалко, а ведь она хотела попросить его немного погулять по улицам, потому что ей так надоело сидеть дома. С другой стороны, гулять без бровей как-то не очень приятно, хотя, несомненно, приятнее, чем со шрамами по всему лицу. Она бросила еще один взгляд на себя в зеркало, но пошла к выходу из офиса, чтобы Юншэн мог закрыть его, и они бы пошли к дому. Она все равно набросила капюшон на голову - так было пока безопаснее и спокойнее.

- Тебе же просто нужно отдохнуть, да? - спросила она, потому что не знала, что делать ей, если от нее может что-то потребоваться. В тот раз им помог Дин дайфу, но если Юншэн говорит, что просто устал, может, утром ему станет легче, если он выспится и наберется сил?

Юншэн Лю

Юншэн плохо помнил, как они выходили из офиса. Тем не менее, он погасил свет и включил сигнализацию, закрыл дверь на ключ и все это запомнил.

- Я думаю, да, - ответил он Янлин. - Завтра уже никаких срочных дел не будет, - Юншэн попытался улыбнуться.

До дома было близко, и этот путь удалось проделать без приключений. Юншэн разулся и повесил при входе свою куртку.

- Я пойду умоюсь, - сказал он Янлин.

Голова была слишком тяжёлой, чтобы сосредоточиться на энергии. Юншэн подержал руки под прохладной водой, затем умыл лицо. Стало немного легче, но он решил, что лучше идти спать и не пытаться ещё что-то делать с помощью врачевания. Он вышел из ванной, снимая на ходу толстовку, в которой было жарко.

- Я открою в спальне окно? - спросил он у Янлин.

На улице было холодно, но сейчас Юншэну было жарко. Он догадывался, что у него поднялась температура, при этом в аптечке было только то, что он покупал для Янлин, и там не было даже ничего жаропонижающего.

Янлин Чун

Юншэн выглядел больным, а не уставшим. Янлин вспомнила, что как-то так он выглядел, когда его ранили в руку, и он долго восстанавливался. Хорошо, что до дома было недалеко, потому что если бы он отключился прямо по дороге, что бы она делала? Она даже телефон с собой не взяла, потому что думала, что они не задержатся. Но Юншэн все-таки добрался до дома, хоть и пытался улыбаться так, словно все нормально.

Янлин кивнула, когда он сказал, что пойдет умываться, она за это время пока сняла верхнюю одежду и успела переодеться обратно в домашние брюки. Юншэн хотел открыть окно, и она согласилась, хотя ей было не жарко, хотя и холода тоже особо не чувствовала, особенно когда злилась.

- Может быть, заварить чай? - предложила она. Янлин понятия не имела, что нужно делать, и поэтому только бестолково суежилась вокруг, потому что ну что-то же ведь нужно было сделать, а не просто так сидеть. Она попыталась вспомнить, что говорил Дин дайфу в прошлый раз, но почему-то только помнила, как делать уколы, чего хотелось сегодня по возможности избежать. Он ведь советовал какие-то таблетки, только она совершенно не помнила, какие и от чего.

- От тебя жар идет, - сказала она, когда подошла ближе и смогла это почувствовать даже на расстоянии, потому что Юншэн, хоть и был бледным, но при этом жарил, как печка. - Ты болеешь? От того, что без воды лечил?

Юншэн Лю

Юншэн открыл окно и убрал с кровати покрывало. Янлин суежилась рядом, а он не знал, что ей ответить, потому что боялся, что она его в итоге выставит виноватым в том, что ему сейчас плохо. Хотя он отметил, что за то время, что они были знакомы, она научилась заваривать чай и даже добровольно это предлагать.

- Да, я немного не рассчитал в энергией, - сказал Юншэн. - С водой проще. Завтра пройдет.

Он на это надеялся, потому что завтра вечером прилетал отец, и после этого нужно было перепроверять, насколько все готово к открытию и банкету. А заодно отчитаться перед родителем обо всей проделанной работе. И он не обрадуется, узнав, что Юншэн перемудрил с врачеванием и набрал ша-ци просто потому, что не захотел немного подождать и вернуться с Янлин домой, где была вода.

- Спасибо, чай не надо. Я просто лягу спать, хорошо?

Он переоделся в пижамные штаны и снял майку, но не стал надевать рубашку, потому что было очень жарко.

Янлин Чун

Янлин хотела привычно высказать, что ему не нужно было так тратить на нее, но промолчала, потому что в глубине души она считала, что на нее нужно тратить. Что ей нужны доказательства любви, даже если они будут во вред. Как и многие люди, много из себя мнящие, но мало что в итоге представляющие, Янлин считала, что весь мир вращается только вокруг нее и все на этом существует только для того, чтобы ей было хорошо. И никто ее особо не убеждал в обратном, так что она привыкла быть самой нежной и красивой принцессой, а всем вокруг должно быть за радость сделать ей приятное.

Она не хотела казаться неблагодарной за заботу Юншэна, но была настолько неуклюжа в отношениях, что совершенно не знала, как ему дать понять, что она очень рада, что он с ней возится. И, если бы она знала, как ему помочь, то точно бы сделала все, что могла.

- Хорошо, ложись, - не могла же она сказать ему, что совсем не на это рассчитывала, что не так хотела провести вечер, что теперь надо сидеть опять

одной в комнате. - Но ты мне скажи, если...если что-то будет нужно, ладно?

Она не стала его трогать, но остановилась в дверях, чтобы дождаться ответа. Может быть, она даже погуглит что-нибудь про лечение. Если в интернете вообще что-то может быть о болезнях после использования магии.

Юншэн Лю

Юншэну даже показалось, что Янлин была готова о нем заботиться. Или хотя бы сделать вид, что на это готова. Он все чаще замечал, что в этих отношениях все строилось по одной простой схеме: в центре вселенной находится Янлин со своими интересами, а он пытается ей угодить. И при этом он по-прежнему её любил и страшно боялся потерять, поэтому мирился с таким положением вещей.

- Ладно, спасибо, - ответил Юншэн, а затем укрылся тонким одеялом с головой и провалился в сон.

Это был неприятный, наполненный обрывками мыслей и образов сон, какой бывает только на фоне высокой температуры. Когда нет сил вынырнуть и открыть глаза, но и невыносимо неприятно находиться в таком состоянии. И не получается заснуть крепче, чтобы перестать думать или что-то замечать вокруг. Юншэн в первый раз так нарвался с врачеванием, он сам не знал, что будет завтра утром, и как долго продлится такое состояние. Но решил, что сейчас правильнее всего будет заснуть и попытаться отдохнуть.
